

писал устав: «Требование к проживающим — любовь к людям и внесение доли в интеллектуальную жизнь дома». Каждого отъезжающего гостя «обормоты» провожали коллективной песней и вздыманием рук к небу. Каждого вновь прибывшего встречали розыгрышем. К примеру, приехал человек, хочет по-людски поздороваться, а всем не до него: ловят какую-то даму, убежавшую к морю топить. «Ищите спасательный круг!» — басит Пра, не выпуская из рук вечной папироски и спичечницы из цельного сердолика. По комнате летают какие-то подушки, книги. Наконец утопленницу приносят — она без сознания, но одежда на ней сухая. Тут только ошеломленный гость начинает понимать, что тут все — вздор на вздоре. «Макс, ради Бога, в следующий раз никаких комедий», — умоляют на прощание гости. «Ну что вы, я и сам от них устал», — хитро улыбается Волошин.

На вкус Маргариты все это было как-то мелко. Ведь даже рассказы про одну пижаму на двоих и право первой ночи оказались неправдой! Возможно, эти слухи распускал сам Макс... Такой необычайный, такой свободный от предрассудков,

на деле он только валял дурака или бродил по горам со своим мольбертом. Тем временем из Петербурга доходили смутные вести о том, как символисты строят новую человеческую общину, где Эрос входит в плоть и кровь... В общем, решено было ехать в Петербург. Поселились на Таврической, в доме номер 25. Этажом выше, в полукруглой мансарде, жил модный поэт Вячеслав Иванов, по средам здесь собирались символисты. Макс принялся бурно декламировать, спорить, цитировать, Аморя же вела тихие разговоры с Ивановым: о том, что жизнь настоящей художницы должна быть пронизана драматизмом, что дружные супружеские пары не в моде и достойны презрения. Однажды Лидия, жена Иванова, сказала ей: «Ты вошла в нашу с Вячеславом жизнь. Уедешь — образуется пустота». Решено было жить втроем. А Макс? Он лишний и должен катиться в свой Коктебель, разгуливать там в хитоне, раз уж ни на что более смелое его не хватает...

Макс Аморию не осуждал и ни к чему не принуждал. На прощание он даже прислал Иванову новый цикл своих стихов — тот, впрочем, отозвался о них с большой

Елизавета Дмитриева (фото Волошина). Коктебель, 1909 г.